г. Москва
1 МАЯ 1984

из истории кино

ПЯТНАДЦАТЬ ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ЗВАНИЕ АДМИРА[ЛА]

В издательстве «Искусство» готовится к печати книга Ф. Андреева о народном артисте СССР И. Переверзеве.

Мы публикуем отрывок из книги — воспоминания актера о встречах с замечательным мастером советской кинорежиссуры М. Роммом.

После недолгой «борьбы» стало ясно, что лучшим исполнителем роли адмирала Ушакова в двухсерийном биографическом фильме, к съемкам которого в 1952 году на «Мосфильме» приступал Михаил Ильич Ромм, станет Иван Переверзев.

Пятнадцать известнейших актеров театра и кино пробовались на эту роль. Много лет спустя постановщик фильмов «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы» скажет студентам Всесоюзного государственного института кинематографии: «Переверзев больше всех был похож на Ушакова. В нем были простота, внешнее спокойствие, демократизм и в то же время внутренняя сила, собранность, энергия. В Переверзеве обнаружились замкнутость и какая-то внутренняя грусть, которая растрогала нас и всем очень понравилась».

До последних дней жизни сохранил Иван Федорович Переверзев самую нежную привязанность и любовь к Михаилу Ильичу Ромму. Незадолго до своей кончины он много и интересно рассказывал мне об одном из глубоко чтимых им режиссеров. Размеренно, временами торопливо, но неизменно взволнованно звучит с магнитофонной пленки голос артиста, повествующий о встречах с замечательным кинематографистом. Думается, что рассказ этот заинтересует читателя...

— Впервые лично встретился я с Михаилом Ильичом в Ташкенте. В нелегком для всей страны, всего нашего народа военном 1941 году.

Тогда по его инициативе был в столице Узбекистана создан первый в мире Театр киноактера. Он стал первым художественным руководителем этого театра. Даже сейчас, много лет спустя, с трудом веришь в свершившееся тогда чудо! Какой народ, какое правительство могли себе позволить в такое опасное кровопролитное для Родины время создать еще нигде не виданный Театр киноактера.

Помню, перед началом каждой репетиции Михаил Ильич всегда обсуждал с нами положение на фронтах. Оно было нелегким. Несмотря на плохие вести, Ромм горячо говорил о нашей победе как о чем-то очень реальном, близком и свою уверенность передавал нам. Мы, окрыленные его оптимизмом, работали до самозабвения. В то суровое военное время мне запомнился Михаил Ильич волевым, всегда подтянутым, отзывчивым и всегда куда-то спешившим. Работал он тогда чуть ли не круглые сутки.

Вскоре я уехал на фронт с концертной бригадой, и встретились мы с Михаилом Ильичом уже после войны в Москве, в Театре киноактера, на репетициях спектакля «Глубокие корни» американских драматургов Д. Гоу и А. Д'Юссо, где я исполнял роль ветерана и героя войны негра Бретта Чарльза, попытавшегося забыть на какое-то время о темном цвете своей кожи и тут же столкнувшегося со всеми «прелестями» расовой дискриминации.

Затем Ромм поставил спектакль «Счастье Гарри Смита» по пьесе К. Симонова «Русский вопрос». Меня он выбрал на главную роль.

Работать с Михаилом Ильичом для нас, актеров, всегда было праздником и великим счастьем. Привлекали его уникальная грандиозная личность художника и человека, большое обаяние. А потом мы, актеры, постоянно ощущали на себе безграничную, пожалуй что, отцовскую любовь выдающегося кинематографиста к людям нашей профессии. Каждый артист, поработав с Роммом, как бы заканчивал актерскую академию и школу воспитания гражданских чувств, настолько щедро и многогранно он отдавал себя нашему общему делу — искусству.

Я особенно любил наблюдать за Михаилом Ильичом на репетициях. Пока на сцене репетируют без меня, я сижу в темном зрительном зале и внимательно смотрю на Ромма, он — за режиссерским столиком. Актеры на сцене произносят свои реплики, а он, беспокойно поерзывая на стуле, улыбается во все лицо, повторяет дословно про себя весь текст. Память у него была удивительная! Смотришь на него в такие минуты и думаешь, что он доволен артистами. Но вдруг он резко вскакивает, останавливает репетицию и по-мальчишески легко вбегает на сцену. Делает артистам необходимые замечания и снова—за столиком. «Переживает» малейший нюанс каждой роли, каждого актерского слова. Он никогда не сюсюкал с актерами, но назвать замечаниями его всегда блистательный и солнечно доброжелательный разбор любого промаха, любой ошибки язык не поворачивается. Непонимание по-детски огорчало и расстраивало его. Он не верил в людскую неспособность. И потому вновь и вновь с величайшим терпением, с одинаковым уважением к исполнителю микроскопической и главной роли стремился добиться совершенства. Когда, по его мнению, этот момент наступал, он весь светился, излучая великую радость творчества, и все вокруг казалось прекрасным!..

Самым знаменательным временем прожитой мною жизни я считаю год совместной работы с Михаилом Ильичом над фильмами «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы». Взять хотя бы блистательно поставленные и снятые батальные сцены! А чего стоит «штурм Корфу»? Дух захватывает!.. И как тут не вспомнить знаменитое послание Суворова Ушакову: «Как жаль, что не был хотя бы мичманом при взятии Корфу!»

Сейчас многие наши режиссеры могли бы тоже сказать: «Как жаль, что не были хотя бы ассистентами при съемках «штурма Корфу»!.. А величественная скорбная и торжественная сцена похорон, где звучит изумительный реквием А. Хачатуряна? А режиссерская работа с актерами? Весь словно отлитый из бронзы, коварный и властный вельможа Потемкин Бориса Николаевича Ливанова — победа не только выдающегося артиста, но и режиссера! Я не буду вспоминать подробно всю работу над фильмами, но о некоторых эпизодах, связанных непосредственно с Михаилом Ильичом, я бы хотел рассказать.

Помнится, как Михаил Ильич по дороге в киноэкспедицию в Одессу в железнодорожном купе принялся говорить мне, каким должен быть Ушаков. Рисовал он мне его ярко, выпукло, приводя десятки случаев, фактов, подлинных подробностей из жизни великого русского флотоводца.

Во время съемок Ромм всегда жил в кругу артистов. Поэтому еще в Москве он попросил администрацию поселить всех артистов с ним рядом. В Одессе все участники работы над фильмами жили в одной гостинице. Мой номер был расположен дверь в дверь с номером Михаила Ильича. Я ни в коем случае не хочу сказать, что такое отношение режиссер проявлял исключительно ко мне. Впоследствии я понял: тесное общение с соратниками по кино входило в арсенал его метода режиссерской и педагогической работы с актером. Этот метод органично вытекал из всей его человеческой сущности.

● *И. Переверзев в «Адмирал Ушаков».*

Только я расположился в своем номере, как раздался звонок. Звонил Михаил Ильич и просил зайти. В номере он был один и сразу удивил меня своим предложением: «Ванечка, ты в фильме играешь главную роль, адмирала Ушакова, так вот я прошу тебя на все время съемок и в жизни тоже играть адмирала Ушакова. Это будет полезно тебе как актеру, да и вообще на пользу картины. Нас, актеров, собралось много, и у каждого свой характер, свои привычки, а некоторые, я знаю, могут и лишнюю рюмку водки выпить, а я с «искусственно» веселыми артистами не работаю! А главное — я хочу, чтобы вы были коллективом, командой на корабле!.. Подробности «игры» вы разработайте сами. Ты понял меня?»

Я говорю: «Понять-то я понял, только кто будет меня слушать?» Михаил Ильич с жаром произнес: «Ты же адмирал, вот и докажи это не только на экране!» Мне ничего не оставалось делать, как согласиться. О предложении Михаила Ильича я рассказал большинству актеров. Всем оно понравилось, и мы быстро выработали правила «игры». Помню, например, что о «чрезвычайных событиях», касавшихся нарушения трудовой дисциплины в павильонах и на площадках, я должен был издавать «указы». Писались они группой энтузиастов, не лишенных юмора и специально изучавших для этого язык и обороты старинных официальных документов. Как-то один артист, исполнявший небольшой эпизод, злостно нарушил «указ» о правилах поведения в присутствии высших чинов, сиречь адмирала и режиссера-постановщика. Мы его хотели жестоко наказать, но по совету Михаила Ильича попросту перестали его замечать. Он оказался в вакууме. Через несколько дней он плакал горючими слезами, умоляя отцов-командиров простить его. Ему поверили, и он нас не обманул.

Только теперь я до конца сознаю тот факт, что Михаил Ильич был не только выдающимся режиссером, но и большим педагогом, воспитателем. Он мягко и ненавязчиво учил нас доброжелательности друг к другу. Ромм не произносил вслух, что человек человеку друг, товарищ и брат. Но каждое его действие, каждый его поступок были направлены на утверждение этого основного принципа нашего общества.

Он любил людей, любил шутку и был большой выдумщик на добродушные розыгрыши. Михаил Ильич всегда заботился о приезжающих женах артистов. Просил администрацию для «молодых» заказать получше номер. Людей, свободных от съемок, посылал с цветами встретить на вокзале или аэродроме наших близких. И вот выходила чья-нибудь жена, то ли из железнодорожного вагона, то ли из самолета, а ее с цветами встречала целая делегация... Эти «мелочи» также учили нас тонкой и мудрой науке чуткости и внимания к близким людям, к жене, к семье, учили делать человеку доброе и приятное.

В разгар съемок в Одессе в группу пришло радостное правительственное сообщение: Сергей Бондарчук получил звание народного артиста СССР. Михаил Ильич собрал администрацию, группу артистов и попросил как можно торжественнее, тепло и весело организовать чествование Сергея Бондарчука. Администрация взяла на себя организацион-

ную часть вечера,
ская — творческую пр
Мы, посоветовавшись,
организовать «капустн
за основу наши съемк
ил Ильич одобрил на
и активно нам помога
смешные тексты, под
разные варианты сце
где он отдыхал, я не

Вечер проходил на
замечательной женщ
родной артистки Ук
ССР Л. Буговой. В
нике» роль Михаила
очень смешно п
Г. Юматов, матроса
Ушакова — его в фильм
С. Бондарчук — парод
полнял П. Шпрингфел
роли Ушакова из
М. Пуговкин... Несмот
что Михаил Ильич
подробно знал «капус
так хохотал, что сп
стула, а из глаз град
лись слезы.

Много лет с тех п
шло, а я, как сейчас, п
действительно веселы
красный вечер... О
Ильиче можно много
хороших слов, и все о
справедливы. Но они
ся ходульными по от
к живому Михаилу
Ромму. Да, в жизни
непосредственным, и
добрым, нежным, лас
в то же время он был
энергичным, темпера
быстрым. Он никогда
вил душой, не отказы
своих убеждений, не
сближался, говорил
лицо, а если возмуща
справедливостью и
отрицательными яв
жизни, он мгновенно
или краснел, глаза мет
нии, голос звучал м
слова летели, как ст
вонзались точно в це